

ВАН ЕРОШИИ

ШЕСНЕТ
АЛТАЯ

ИВАН ЕРОШИН

ПЕСНИ АЛТАЯ

С. ОЛРОТ-БУРА
ЧЕЛБИСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 31562

50

1953 г.
812 М 318

„СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ“
МОСКВА
1 9 3 7

Отв. редактор А. Митрофанов
Техредакторы Н. Греймер и А. Егоров
Художник А. Булгаков
Корректор П. Банков
Уполн. Главлита Б—24043
Тираж—5.000 экз.
С. П. № 115
Сдана в производство 3 апреля 1937 г.
Подписана к печати 25 июля 1937 г.
Количество лист. $2\frac{5}{8}$
Автор. лист. $3\frac{1}{4}$
Колич. печ. знаков 41816
Заказ № 102
Бумага 72×108 с/м $\frac{1}{2}$

И-я тип. Мособлполиграффа

Цена 1 р. 75 к. Перепл. 1 р. 25 к.

Перевод письма Р. Роллана

Дорогой Иван Ерошин!

Уже давно я должен бы был поблагодарить Вас за присланную Вами книжку „Песни Алтая“. Извините, что делаю это только нынче. Я хотел быть в состоянии самому дать себе отчет в этой поэзии, и только теперь я смог приступить к чтению ее с помощью моей жены.

Мы поражены свежестью и силой не только образов этих песен, но чувств, в них выраженных. Я знаю пока только несколько стихотворений — с десятков, из самых коротких — „Я похож на облака“, „Черет“, о юноше, который хочет посмотреть девицу и у которого нет новой рубашки, и несколько других. Образ пальцев... „как дикие пчелы“, голоса — „как рыжее пламя“, образы природы (кедровая ветка под инеем и т. д.) — замечательны. Это напоминает китайскую и японскую поэзию, и вместе с тем — это

могло бы быть создано самими утонченными поэтами Запада.

Мне кажется, что было бы интересно ознакомить Францию с некоторыми образцами этой поэзии. Но для этого нужно было бы иметь не Ваши стихотворные переводы, которые, вероятно, уже несколько исказили оригинал, а построчный перевод, слово в слово, с указанием — рядом — ритмов и модуса рифмовки. Могли ли бы Вы прислать нам подобный перевод на русский этих же стихотворений? Ибо, чтобы с них сделать французский перевод, который еще исказит их, нужно избежать хотя бы уже в русском стихотворном переводе сделанных приспособлений.

Жму Вашу руку, дорогой Иван Ерошин; спасибо еще раз за то, что познакомили меня с этими интереснейшими и прекрасными образцами поэзии ойротского народа. Если Вы имеете сношения с представителями этого народа, передайте им мои самые горячие поздравления и мой братский привет.

Ромэн Роллан

Перевод сделан

Марией Павловной

Роллан

И от меня спасибо, дорогой тов. Ерошин. Очень интересные песни.

Я боюсь, что купец
С Чулышмана — Семен —
Молодую отнимет жену.

Я боюсь, что людей
Злых напоит вином,
И они меня могут убить.

Я боюсь, что за долг
Он корову сведет —
С Чулышмана жестокий Семен.

*
* *

Девиц несчастных
В горе оставил

Из Бийска купец —
Никита Орлов.
И раньше он так же,
Как и сейчас вот,
Чистые груди их осквернял.

*
* * *

Я любила родную мать,
Дорогого любила отца.
Можно ль их мне родными назвать,
Не оросив слезами лица?
В белогорье трава не пуста,
Сохнет, вянет моя красота.
Я совсем молодой отдана
Лишь за несколько чашек вина.

*
* * *

Быстроногий, черный
С тонкой мордочкой соболь,
Гору вмиг перебегающий, —
Еще в серых россыпях,
Изловить его — нет времени,

Чернобровая моя, черноглазая,
Искорки золота
В глазах ее,
Ходит, гуляет в девицах,
В жены высватать — калыма нет.

*
* *
*

Я пасу у Менко три сотни овец,
А будет ли шуба для моей спины?
Сын пасет у Менко пятьдесят коров.
А будет ли масло на столе у нас?

ГОРЬКАЯ ЖИЗНЬ

От думы одной про горькую жизнь
Ноет, болит в подреберьи моем.
Сказывать стану о том, как я жил,—
Черным становится сердце мое.
Поп, что крест надевал на меня,
Горе посеял в юрте моей.
Бай, узнав, что стал я Петром,
Словно вора, выгнал меня.
Бай и поп... Зачем они злы?

Что я им сделал? Не трогал я их.
Нет мне работы; где хлеба найду?
По крови родных как прокормить?

СКАЗАНИЕ О ХАНЕ АЛТЫНЕ

После войн, после громких походов
Хан Алтын вернулся с победой.
Словно темной кошмою, покрылись
Табунами скота и коней
Травянистые склоны Алтая.
Жить бы только да радоваться хану...
Но не весело хану Алтыну,
Рассылает своих людей он
По горам лесным, каменистым,
По аилам, ему подчиненным.
И дает он наказ посланцам
Пригласить к себе людей богатых
И певцов, в песне искусных,
Соловьев слова прекрасных.
Собрались к нему видные люди.
Приглашает гостей он в юрту
И каждому место отводит
По их высокому званью,

По их перед ханом заслугам,
Говорит он собравшимся слово:
— Вы, почетные старые люди,
Убеленные сединами,
Умудренные опытом жизни,
С окрепшей и зрелой мыслью,
Живущие с мудростью в дружбе,
Не начнем мы наше собранье
Хмельным и обильным пиром,
Не откроем мы нашей беседы
Веселой, победной песней,
А откроем наше собранье
Умными советами, речами.
Не найду ль я в них себе опору,
Смятенной душе отраду?
Потерял я сон и веселье,
И горькой мне стала пища.—
Поднялся тут один старец,
Спросил он хана Алтына:
— Чем ты, мудрый правитель, болен?
Что тебя, кедр могучий, тревожит?
Или корни твои подгнили?
Или крепкие сучья слабы?
Иль хвоей осыпалась частой
Темносиняя, мягкая шуба?—

Отвечал Алтын слову старца:
— Еще корни мои цепки, крепки.
Мои корни — беркута лапа,
Сучья — гулки, смолисты,
И хвоя мглиста, как полночь.
Снился сон мне, старцы, тяжелый,
Туманит он мою душу,
Мои светлые дни тревожит.
Темен сон мой...
У ханской юрты —
Юрты белой хана Алтына —
Стоят три сосны высоких —
Три густые черные тучи.
Вдруг среди них стала расти, подниматься
Тонкая белая береза
И листвой распускаться кипучей,
Серебристой, прозрачной листвою.
Поднялась она выше сосен,
Сияющей мягкой вершиной
Закрыла широкие сосны,
В мгновенье сосны засохли,
Медными сосны стали —
Осыпались синие иглы,
В голых, костлявых сучьях
Зашумела осень тетивою,

Серой тетивой дождя и ветра.
А вокруг поднявшейся березы
Стала роща шуметь зеленая
Серебристой, веселой листвою,
Прорастать через крышу юрты
Молодой, пахучий березник,
Пахучий, как ветер апрельский.
Заросло становище хана...
И там, где юрта стояла, —
Ни следа, ни признаков не осталось.
Долго я смотрел в изумленье
На высокую белую березу.
Из-под корней ее шершавых
Вдруг изметнулась яростно буря.
Прыгнуло красное пламя,
Свиваясь вокруг березы.
Золотой столб поднялся к небу,
Золотые капли роняя.
Запылала зеленая роща,
Черный дым над ней за клубился,
Резко молнии засверкали,
И на месте рощи кудрявой
Пни да сизый пепел остались.
И еще чернее дым всклубился,
Крепче буря легла на крылья,

Низко, низко к земле приникла,
С корнем вырвала пни, разметала,
А сизый и легкий пепел
Подняла, истончая в небе.
И снова на месте роши
Стала только зелень пробиваться —
Изумрудная, яркая зелень —
И расти сосновая роща
С меднокрасным упругим телом,
С крепкими, широкими ветвями,
С мягко-темной, синей иглою.
И на этом сон прекратился...
Весь в поту, я от страха проснулся,
И с тех пор под солнцем прекрасным
Нет веселья, нет мне отрады.
Посоветуйте, мудрые старцы,
Поразмыслите, головы седые,
Что пророчит мне сон непонятный? —
Отвечает хану тот же старец:
— Благодатна земля и прекрасна,
Много зверя родит и стада
И живую всю тварь питает...
Но превыше земли есть солнце,
Скройся солнце — земля погибнет.
Хан Алтын — ты солнце земное,

Ты от бога, наш мудрый правитель,
Своей властью нас согреваешь,
Охраняешь твердым законом;
Мы с тобой однородное тело,
Твои думы, руки и мысли,
И казна твоя золотая,
И могучая верная сила.
Не кручинься, хан, не печалься,
Прогони невеселые думы,
Правь спокойно народом Алтая.
Есть кому за тебя подумать,
Исполнять ханскую волю.
Ты свети нам, как светит солнце,
С неба зимнего чистые звезды,
С неба летнего сладкий месяц.—
И поднялся второй тут старец,
И такое он слово молвил:
— Хан Алтын, высокий правитель,
Ты напрасно себя тревожишь...
Тобой виденный сон, хан великий,—
Плод твоих трудов долголетних
И забот о своем народе,
Сильном, процветающем народе,
И о доме своем высоком.
Около юрты засохшие сосны,

Хан великий, — знак то отрадный:
Три врага твоих стали бессильны,
А белая тонкая березка,
Что высоко взнеслась вершиной, —
Это замысел врагов, прораставший,
Унесенный смертью с корнями.
А сосновая шумная роща —
То твои, хан, заботы и мысли,
То твое задуманное дело.
Зря ты душу свою тревожишь,
Беспокоишь крепкое сердце,
Иссушая мыслью тревожной.
Мы твой лук, меч и опора,
За тебя постоим, хан великий,
В землю кровь мы свою источим,
Кости крепкие в битве размечем. —
Встал еще тут старец и молвил:
— Дни прошедшие мои удлинись,
Дни грядущие стали коротки,
Тело к земле отходит,
Мысль устремляется к жизни,
К истине тянется слово.
Хан Алтын пусть правду услышит...
Сохранила мне память сказанье,
От людей его умных слышал,

То сказанье на сон твой похоже.
Было, хан, у тебя два брата, —
Твои братья давно погибли, —
Хан Алтын их скоро увидит...
А высокая белая береза —
Это севера злая держава;
Белый царь той державой правит.
И пойдет тот царь на народ твой,
Полонит он тебя злою силой,
Твоим краем будет он править,
Тунный скот и коней угонит,
И заставит народ подневольный
Белый царь на себя работать
И платить тяжкие дани.
Но не долго его будет царство:
Как твое — оно только мгновенье,
В беге времени только мгновенье.
А береза с черною бурей,
С красным пламенем светлая роща,
Хан великий, то месть и гибель.
Из его, царя белого, дома,
Из его, из тяжелой короны —
Прыгнет тигром красное пламя.
Белого царя тогда не будет,
Верное его покинет войско,

Уничтожатся царские люди
Со всем домом и поколеньем,
И народ этот станет у власти,
Сам собой народ будет править.
Не суди, хан, за горькую правду...
Не к лицу мне лесть перед ханом,
Укорили бы меня седины,
Мои годы меня упрекнули,
Осудила преданность хану,
Поносила пылкая юность.

Э Л И К И К А Р А К О С Ъ

ПОЭМА

РАССКАЗ МАТЕРИ

—Элик, на крепкие ноги вставай!
Алый блеск на лице твоём,
Золотятся молнии глаз.
Милый сын, взглянув на тебя,
Я припомнила юность свою,
Проведенную в людях чужих.
Пусть молодость будет твоя
Темнояркой травой весны,
Серебристою с гор водой!
Старой матери слушай, сын,
Правду горькую давних лет.
Ты запомни этот рассказ —
Как ты помнишь о пище днем
И об отдыхе в тихую ночь
На мирной постеле сна,
На мягких подушках его.

Ничего нет на свете трудней,
Тяжелей и прискорбней, сын,—
Быть покорным, забитым рабом,
Исполнять тирана закон,
Непосильную дань платить.
Ты запомни этот рассказ —
Как ты помнишь о пище днем
И об отдыхе в тихую ночь.
С тем, кто хочет волю отнять,
Поклянись встретиться, сын,
На жарких жизни ключах —
На кровавом поле, мой сын!

*

Замолкла мать, и тихо поднялась
Ее рука с давно погасшей трубкой
К кисету с табаком. И видел сын,
Она боялась построй постучать,
Чтоб выбить пепел. Будто слух ее
Ловил шаги. Печальным сновиденьем
Вставала перед ней нерадостная юность,
Прошедшая по темным тропам горя.
Насыпав табаку, рука тянулась

К костру за углем. Красный глаз огня
Моргал на трубке. Острый дым
Клубочками туманными рождался,
А из клубочков в черном дымоходе,
Синея, быстро исчезали змеи.
Молчал и сын. Не все в словах он понял
Рассказа матери, но музыка речей,
Рожденная перенесенным горем
И скорбной нищетой, глубоко западала
В неопытное, молодое сердце
И яростью и гневом там цвела.
Дымилась трубка... Думы старой
Бродили по дорогам тяжелой жизни.
Казалось сыну: матери глаза
Кричали в темное пространство
И будто звали издали кого —
К блистающему, с гребнем серебристым
Костру — из камней драгоценных,
К сердечной, до краев наполненной
печалью,
Мучительной и сладостной беседе.
Мятелью звездною клубилась даль,
А возле юрты рыхлые сугробы
Легли песцами пышно-голубыми,
Дымя пушистыми и теплыми хвостами.

Погасла трубка... Старое лицо
Рассказом новым оживилось.

*

— Жили, сын, мы на Лебедь-реке.
Был там конь и корова у нас,
Был курут и редко — толкан.
Но приехал хитрый купец,
Лунно-бледный огонь привез,
Острозубый огонь в стекле.
Твой отец вскоре пропил коня,
И корову пропил купцу.
Твой отец спит, огнем спален,
От огня твой отец упал.
За долги, после смерти его,
Отнял травы жадный купец,
Занял нашу долину он.
И меня, и родных прогнал.
Часто, сын, приходилось нам
По весне, как мыши, копать
Корни трав, сараны, кандыка.
Только вспомню — и слезы кипят, —
Бедность, бедность, как тишина.

Пусть, мой сын, в сердце твоем
Будет ненависть к прошлому жить!
Эту ненависть жителей гор
К черной птице с огромным крылом,
К черным людям с крестом золотым
И к жестоким, богатым купцам —
Передай своим детям, сын.

*

Костер бледнел. Пылающая нить
Печального и горького рассказа
Погасла в сумраке обид,
А вьюга свой ткала рассказ.
Порою в черном дымоходе
Вилась из ясной, снежной пены,
Кипя, серебряная чаша.
Чадил табак. По звонким красным углям
Порхали бархатные пятна,
И синекрылый легкий огонек
Перебегал с сухим и тонким звуком.

ВСТРЕЧА

У коновязи возле юрты,
Звеня удил железом льдистым
И чутко уши наострив,
Ржал конь. Порывистое ржанье
В горах высоких разливалось,
А эхо звучно повторяло.
И зорко в горы конь смотрел,
Сверкая черными глазами,
Но табуна он там не видел.
— Что ржешь ты так нетерпеливо,
Кого зовешь ты, беркут горный?—
Сказал, из юрты выйдя, Элик
И стремяни рассеянно коснулся,
И неуверенной рукой
Он тронул тонкие поводья,
Направившись к горе лесистой,
Где пасся тучный скот по склону,
А у подножья пробегал
Ветвистый свет кристальной влаги.
Долина пестрая, ручей
И голубое серебро
Вершины снежной, величавой,
И тихий темносиний лес

Цветистым сном ему казались.
Его покинуло веселье,
Покинул сон — роса здоровья,
В смятеньи сердце гулко билось.
Ему казалось, что оно
Тревожно вдруг остановилось.
И чутко слушало себя,
И вновь мучительнее билось.
Задумчиво он ехал по долине,
Не замечая, что над ним
Рукою снежно-серебристой
В избытке сил проснувшаяся юность
Взметнула пурпурное знамя —
С лучистым солнцем посредине.
В час пробуждения любви —
В смятеньи мысли, кровь и чувства,
И разум покидает нас,
И голосу лишь одному
Тогда бываем мы послушны.
И Элик был ему послушен,
И незаметно для себя
Коня другой тропой направил,
А за горой лежал аил.
Он ехал, песню напевая, —
Простую песню, как сама

Простая, радостная юность.

„Горы богаты

Лесом и зверем,

Синие реки —

Серебряной рыбой.

Элик богат

Заботами, думой.

Что подарю

Милой моей?

Сила и молодость —

Добрый калым!

Больше у Элика

Нет ничего!..“

Аил. И сердце у него

Сильнее прежнего забилося,

Понять не мог он, отчего

Надежда, радость затаились

В его душе. Казалось, он

В испуг, в смятенье погружен.

У коновязи слез с коня,

Зачем-то стремящем звеня,

Стоял он, в юрту не решаясь,

Ему знакомую, войти.

И, с милой мысленно прощаясь,

Он с грустью говорил: „Прости“.

Нежданно юрта отворилась,
Ему навстречу — Каракось.
На миг как будто он прирос,
Но так же быстро очутился
В седле он и хлеснул коня
Рябою плетью. Конь игрений
Рванулся рысью. Роза дня
Склонялась в горы. Вечер тени,
Как пихты черные, стелил...
Давно уж далеко аил,
И Элик ехал, напевая
В словах, понятных и простых,
Желанный сердцу, сладкий миг.
Вот эта песня золотая:
„Смелый парень рода Темир,
Сам не знаю, ехал куда,
А у юрты ее отца
Робким стал. Соскочил с коня.
Широко отворилась дверь.
Вышла милая Каракось —
Стало жарко, слова потерял.
Пот на лбу, на седло скорей,
Быстро, быстро бежала трава“.
Не наблюдая за конем,
Он был как будто бы в забвеньи

Или объятый полусном.
В нем это чистое мгновенье
Рождало страстный жар тоски.
Он ехал берегом реки,
Забыв про скот, что он оставил
На склоне лиственной горы.
Любви он расстилал ковры
Цветистые: Любовь он славил.
„Последний луч в снегах вершин сияет,
Так вечер тих.
И жизни свет как будто убегает
Из жил моих.
Темнеет мир с небесной глубиной, —
Прости, покой.
Громады гор в глухом и гулком зное —
Свинцовый зной.
Цветы, трава и лес темнозеленый —
Все шепчет мне:
— Знай, корни жизни, юноша влюблен-
ный, —
На глубине.
Шумит река, и над горою снежной
Встает луна;
На звездный гребень вздох ты мой
мятежный

Возьми, волна.
Твой светлый путь лежит в ее селенье,
Скажи ей там,
Что вмиг я тайну сердца пеньем
Открыл волнам.
Последний луч в снегах вершин сияет,
Так вечер тих.
И жизни свет как будто убегает
Из жил моих“.

*

А Каракось... Она успела
Лишь только вслед ему взглянуть,
Смутиться, горестно вздохнуть,
В волненьи прошептать несмело
Вовек прекрасные слова,
Чем пылкая любовь жива:
— Ах, нет, не любит он меня.
Зачем он повернул коня?
Зачем так быстро ускакал?
Зачем ты, день мой, ночью стал?
Растерянный, смущенный вид,
К лицу ль ему девичий стыд,

Что так румянцем проступил?
Но как в смущении он мил!
Как тихо опустил глаза...
Что ж ничего он не сказал?
Где он теперь? Но что со мной?
Как будто алою волной
Обвили золотой мой стан?
И жаркий на глазах туман.
В ушах, как в дальней туче, гул,
И ветер на ветвях уснул.
О, ветер севера, подуй,
Лица ты пламень поцелуй.

СВАТОВСТВО

Кереспесь.

Здравствуй, Каракось!
Как здоров отец твой?
Тоньчи хлопотливая здорова ли?
Скот здоров ли?

Каракось.

Все здоровы, живы.

Кереспесь здорова ль?

Кереспесь.

Куст над речкой клонится к воде,

Кереспесь склоняется к могиле.

К а р а к о с ь .

С доброю ли Кереспесь к нам вестью?

К е р е с п е с ь .

С вестью горькой человек разумный

Не всегда старается заехать.

К а р а к о с ь .

Доброй вести кто не рад бывает,

За добро оплачивают добрым.

К е р е с п е с ь .

Кереспесь для рода Катугаса

Никогда не делала худого.

К а р а к о с ь .

Не по гостье будто наша юрта!

Араки в ней, сытной, крепкой пищи

Не найдется. Скромнен стол хозяйский.

Не обидьтесь.

К е р е с п е с ь .

Не моим ушам бы это слышать

От красавицы разумной.

Глуп тот гость, который не находит

Угощенья в ласковом привете.

К а р а к о с ь .

Человек приветом сыт не будет.

Кереспесь пусть чашку чая выпьет.

К е р е с п е с ь .

Буду я сыта твоим согласьем.

К а р а к о с ь .

С добрым не была я в ссоре.

К е р е с п е с ь .

Сходит снег, и реки лед ломают,

В лес веселый прилетают птицы,

Гнезда выют и думают о детях.

Не пора ли и тебе помыслить,

Дочь моя, о муже и о детях?

Юности всегда пристойна песня,

Старикам и детям — сказки,

Красоте — богатство и наряды.

К а р а к о с ь .

Он бедный иль богатый?

К е р е с п е с ь .

Красоте не с бедностью дружитья.

К а р а к о с ь .

Кто ж такой он?

К е р е с п е с ь .

Человек известный и с достатком.

К а р а к о с ь .

Я спросить бы, я узнать хотела:

В дружбе ль щука

С мелкой рыбкой,

А с утёнком ястреб?

Кереспесь.

Что, дитя, сказать ты этим хочешь?

Каракось.

Не в ладу живет богатый с бедным.

Кереспесь.

Посмотрю я и дивлюсь немало.

В голозе твоей слепые мысли,

С языка чужие льются речи,

И не в юрте будто родилась ты.

В бедности ты, дочь моя, засохнешь,

Безо времени краса увянет.

Аргамай не молод, но почетен,

О его богатстве всюду слава.

Каракось ему так приглянулась,

От нее без памяти он ходит.

Передать просил меня, старуху:

„Награжу твой род по-царски.

Дам калым я за тебя богатый,

Будь моей хозяйкой и женою“.

Каракось.

Цвет девичий, девичье веселье

Губят ранние заботы.

Дом богатых полон злыми псами,

Узки там широкие ворота,

Тяжки двери, бьют они по пяткам,
Высоки корявые пороги,
Лесенки там узенькие круты.

К е р е с п е с ь .

Красоте, разумная девица,
Мир открыт, повсюду ей просторы.

К а р а к о с ь .

Бедность я счастливой не видала.

К е р е с п е с ь .

Молода и жизни ты не знаешь.

К а р а к о с ь .

Кереспесь, наверно, не забыла,
Кереспесь обычай старый помнит.
Выйдя замуж, я должна умолкнуть.
Ни родных, ни мужа при народе
Не могу по имени назвать я.
Чегедек — неволю злую женщин —
Не надену, не хочу нарядов.

К е р е с п е с ь .

Ты послушай, девица, подумай...
Не надежен бледный лед в апреле,
Пылкий ум у юности не крепок.
Конь, привычный ко тропе опасной,
Седока над пропастью проносит.
Верный опыт за плечами старых,

В старых людях сильны корни жизни.

К а р а к о с ь .

Не всегда бывает старость умной

И неопытной доверчивая юность.

Наше время видит в юных мудрость,

В стариках отыскивает юных.

Каракось не думает о муже,

Понапрасну Кереспесь трудилась.

К е р е с п е с ь .

Не по возрасту речиста,

Не по дому девица нахальна.

ПЕСНИ КАРАКОСЬ

Реки синего Алтая,

С ветром легким, голубым

Разнесите по аилам:

Сердце девиц — только милым,

Но не старым за калым.

*

Говорят мне, я прутик зеленый,

Стройно вьющийся, гибкий, свежий.

Говорят — мои девичьи мысли

Грустный дым над горой Надым-Тау.

Мне сказали: я смуглым телом,
Как трава и как след, пахуча,
Пальцы рук моих — дикие пчелы,
А глаза задумчиво глубоки.

Мне сказали — рыжее пламя
В моем голосе взвилось высоко.
Говорят, что звери и птицы
Понимают голос влюбленных.

*

Ловит слух мой: „Сияющий прут“.
Про меня по аилам поют:
„Каракось бедна, да умна,
Каракось, как стебель, стройна“.

Много люди всего говорят,
Их речей не могу я понять.
Я здорова, мне пища вкусна,
Только будто я чем-то больна.

Мои мысли грустны, как дым
Над высокой горою Надым.
Нет, не мысли! Не знаю я...
С дымкой схожа радость моя.
Может быть, и ошиблась я —
Это тихая нежность моя.

Говорят, запах тела — трава,
Непонятны мне эти слова.
Быть хотела б я мягкой травой
Под твоею, Элик, ногой.

*

Пчелы дикие — пальцы мои?
Злой язык, лживы стрелы твои!
В зной отраден полет ветерка,
Мягче ветра девичья рука.

Кто, откройте, мои глаза,
Кто неправду о вас насаждал?
Где же темная глубина?
Вы и ночью — как в небе луна.

Пламя рыжее в горле моем,
Что же в теле случилось моем?
По груди от рассыпанных кос
Пробегают острый мороз.

Из аила ушла без коня,
По горам проходила полдня,
Слышат звери и птицы меня,
Только Элик не слышит меня.

Где ты, светлый,
Где, косматый,

Бегунец мой
Черносмольный —
С гривой черною,
Густою?

Грива мне нужна твоя!
Мгла косматая нужна!
Руки я хочу запутать
В волос крепкий,
Синий, жесткий!

СЛОВО ТЕТКИ ТОНЬЧИ

— Где была ты?— спросил отец.
— Я ходила коров искать...
— Каракось бродит целый день.
— Тетушка, я смотрела коз.
— По горам, поди, девица, ходишь,
Беззаботно песни напевая?
Погоди, вот скоро замуж выйдешь,
Потеряешь звонкие ты песни,
Где — сама об этом знать не будешь.
Беззаботность легкую оставишь,
Сладкий сон, девица, ты забросишь,
И не станешь так порхать сорокой.
Ты одной рукой доить корову,

А другой держать ребенка будешь.
Где ты целый, долгий день бродила?
Снежного набила б лучше масла,
Ячменю на жерновах смолола,
Присмотрела бы за меньшим братом,
Шаловливым, юрким мальчуганом.
Табаку б отцу ты нарубила,
Задымила, разожгла бы трубку,
Накормила бы огонь березой,
На ручей сходила говорливый,
Струй веселых быстро зачерпнула.
В том нашла бы ценный клад для дома
И для мужа будущего радость.
Ты б нашла в работе хлопотливой
Счастье жизни, золото привычки.
А то бродишь, девица, без дела,
От хозяйства ты совсем отбилась.
Песнями ты горы поджигашь,
По кустам царапаешь ты груди,
По пригоркам бешеные ноги.
Оглянись ты, девка, на тропинку,
Что до юрты парни протоптали,
Вся она, как водопад сыпучий,
Светится зернистыми слезами;
Слезы те твой холод заморозил.

Пробегаешь ты по ним проворно,
Словно легкий ветерок весенний
По ветвям в пушистом перелеске.
Слушай тетку, пожилую Тоньчи...
Радуюсь твоим лицом веселым,
Вспоминая в мыслях прожитое,
О слезах любви тебе расскажет,
Передаст их речь живую.

„Там, где нас, рыдая, обронила
Сокрушенно искренняя юность,
Пусть то будет каменное поле —
Родники там чистые пробьются.
Зашумят, зазеленеют рощи.
Светлы росы, мы — росы светлее,
Кто нас понял, скажет — дети солнца,
Через нас проходит радость мира,
Через нас любят себя собою
И земля, и человек, и небо“.

Ах, дитя, птенец неоперенный,
Что ты мыслишь, думаешь о жизни?
Ты простись теперь, моя былинка,
С резвостью — козою легконогой,
С вольностью — водицею речною.

Беззаботность глупую ты выбрось,
За дверь юрты отнеси подальше...
Ты б, отец, занялся милой дочкой,
Посадил бы к месту, непоседу,
Привязал тугим арканом крепко.
Улетит, скажу, твоя певунья,
Выпорхнет, веселая, лесная,
С мягким голосом твоя невеста.
Не пускай одну ты дочку в город.
Что возьмешь ты за ее ученье?
Не теряй, старик, мешок с деньгами,
Не разбей посуды с чистым маслом,
Не пускай, отец, девицу в город.
Осмотришься, подумай, наша радость,
Над своею глупостью девичьей.
Дом отца совсем ты позабудешь,
Не вернешься к очагу родному,
И позором черным ты покроешь
Девушек веселого Алтая.
— Добрая ты тетушка, спасибо
За совет, за ласковое слово.
Ты мне мать родную заменила.
Не забуду умные я речи,
Память мне слова твои оставит.
Выслушай ты глупую невесту:

Улетело прежнее то время,
Тот обычай больше не вернется,
Когда брали девицу калымом,
Покупали юных, словно телку,
Продавали, будто кобылицу,
Увозили без ее согласия.
Красотой владел всегда богатый,
Часто юностью — старик беззубый.
Не по сердцу мне твои советы,
Я их брошу, как без мяса кости.

СВАДЬБА

М а т ь.

Два кусточка видны на пригорке,
Два зеленых распустились рядом.

Э л и к.

Каракось, а мать веселой стала,
Хоть и выпила совсем немного.

К а р а к о с ь.

Почему же ей не веселиться?

М а т ь.

Ясный ветер, ты повеи на листья,
Свежий дождик, напитай ты корни.

Элик.

И слова похожи так на песню.

Каракось.

Песня свадьбе — как для птицы крылья.

Мать.

Вы послушайте, родные дети,
Не обидьтесь вы на мать за слово,
За совет на ветхую старуху.
Там, где юность, — там веселье светит,
Где беседа — умные там речи,
А где хмель — там языки смелее
И правдивей, также и болтливей.
Может быть, чего не так скажу я,
Мать родную вы тогда поправьте,
Укажите старой на ошибку.
Чтобы жизнь была веселой, яркой,
Много нужно знанья и умения,
Опыта и разума не мало.
В дом чужой, разумница, ты вышла,
В том дому порядков ты не знаешь.
Неизвестны и его привычки.
Первое, что делай, молодница, —
Ты вставай всегда с веселым солнцем,
За водою поспеши на речку,
Там струей прозрачною умойся —

Сон стряхни с пылающего тела.
Долгий сон с лица уносит свежесть,
Легкую улыбку и веселье,
В тень глухую прячет искры смеха.
Долгий сон питает жиром бедра,
Ноги — ленью, рыхлою походкой.
Принесла воды, очаг там кличет,
Разбудить он просит в углях пламень,
Хочет видеть шелк его летучий
На поленьях смугло-золотистых
И с водою остроносый чайник.
Разожгешь, иди доить корову —
В зимний холод — с свежей горстью сена,
Не забудь с собой сырую тряпку,
Чистой тряпкой оботри ей вымя.
За соски берись ты с мягким словом,
Слово ласки любит и скотина.
Подойшь, то молоко в посуду
Процеди, прожаренную в печке,
Или в кадку, где чегень готовишь,
И от мух закрой ты плотно крышкой.
Мимоходом посмотри на чайник,
Закипает — кинь щепотку чаю,
Нет огня — подбрось скорей полено.
В хлопотах не позабудь корову

Отогнать на мягкий луг, росистый,
А зимой без корма не оставить.
Любит свекор, любит и свекровья
Снох таких, что в деле расторопны,
Сметливы в хозяйстве и работе.
Ты, сынок, теперь в уме и в силе,
Мыслям и делам своим начальник,
Будь жене всегда во всем помощник,
Будь для ней ты каменной горою.
Добрый муж встает с женою вместе,
Глаз один, одна у них забота.
Муж ленивый чешется, зевает,
Голова его, как пес, космата,
Солнце бок ему совсем спалило.
На жену он смотрит принасупясь,
А к столу садится неумытым,
На детей рычит он и косится,
И сопит, все чем-то недоволен.
Многое еще бы я сказала,
Поделилась, дети мои, с вами,
Да не нужно новой, теплой шубе
Темные, истертые заплаты.
Рада я, что старые порядки
Отмирают вместе с стариками.

Элик.

Знать должны мы прошлое, чтоб легче
Было с прошлым молодым бороться.

Мать.

Горько, дети, жить вдовою бедной,
Быть прислугой у людей богатых.
Беззащитно тело неимущих.
Только вспомню — почернеет сердце...
На работу до зари вставала,
Спать ложилась в сумерки глухие.
Пол казался мягкой мне постелью,
А полено — пуховой подушкой.
Трудно, Элик, я жила с тобою,
По чужим истратилась я людям.
Без отца нам тяжело приходилось
Добывать сухую горсть толкана.
Зло смеялись надо мной соседи,
А родные вовсе забывали.
Наша юрта стала робкой, тихой,
Словно в ней погас огонь приветный,
Поселился злой мороз, когтистый.
Ее стены будто пошатнулись,
Дверь прямая словно покосилась.
Дочь моя, теперь ты вышла замуж,
Я не знаю, из какой семьи ты.

К а р а к о с ь .

Из такой же, как и ваша, бедной.

М а т ь .

Не забудь, на всю ты жизнь запомни:

Не ходи ты ни за чем к богатым,

Ничего у них не занимай ты.

Если в юрте нет ковша напиться,

Не проси, дитя, напейся горстью.

Если нет ведра сходить на речку,

Ты пойдй в березовую рощу,

Там коры спроси ты у березы,

Пусть ведром кора березы будет.

Сито ли понадобится часом

Или дрожжи для закваски хлеба,

Дочь моя, пусть ветер будет ситом,

А закваской ржавое железо.

К а р а к о с ь .

Хоть немного я жила на свете,

Мало знаю, опытом беднее,

Я была батрачкой и прислугой,

С темным горем под руку ходила.

И голодной часто спать ложилась,

С злой нуждой встречалась нередко,

Люди мне богатые знакомы.

Ходит осень... Ай алтын!..

Снег девичий у вершин.

Я пойду на белку скоро

Через эти реки, горы.

НОВОЕ РУЖЬЕ

Новое купил ружье.

Тонкое, с двумя глазами.

В их сумраке глубоком

Спит золотая змея.

Тусклый, колючий паук

И маленькое облако.

Когда глаза глядят на зверя —

В его костях тоска.

Сверкнут, и вскрикнет кровь,
И ясный лебедь — белый день —
Летит из глаз широких зверя,
Ему навстречу быстро, быстро
Стремится жадный ворон смерти.

*
**

Горы, выменял собаку!
Лес мой, — добрую собаку!
Весело с собакой умной!
Радостно с ружьем хорошим!
Шкурок добрых зверей
С избытком будет
У меня за плечами.

*
**

Сталь, кремь, зеленый трут —
Все на поясе живут...
Что им скажет песнь моя?
Неизменные друзья,
Вы хорошие друзья!

*
**

Богаты мои глаза,
Сердце и слух богаты.
Сентябрь — пылают костры
Красных осин и берез.
Марал на горах загремел —
Вскинул ветвистую голову
И неба не видит.
Ноздри, как пестрые раковины,
Раскрылись и полны жизни.
Жаркий, призывный голос
Коснулся тела подруги,
И листья, как стая
Птиц перелетных,
Вслед ей шумят.

*
**

Синий ветер — лыжи мои,
Синий ветер с горы мохнатой
Крепко, крепко их подшивал
Молодого оленя кожей.
Лыжи, лыжи мои легки,
Умный снег,

Вкрадчивый снег,
Зверь не услышит.

*
**

Соболя ловить иду,
Дорогого соболя.
Соболя, похожего на ветку,
Черную ветку кедра —
Под синим, звонким инеем
В морозную ясную ночь.

БУРАН ✓

Схоронилась белка по дуплам,
Резвая, комочком свернулась.
На приманку горностай не выйдет,
Он в корнях мышонка поймает.
Не зажжет лиса перелеска
В погоне за робким зайцем.
Жирная не выползет выдра
Из норы ледяной кувыркатся
По хрустящему синему снегу.
Густомглистый, с искрами, соболь

Легконогий не бросит петли
Мягких лапок по рыхлому снегу.

*
**

Над горами выросла ночь,
Словно кедр над белым потоком.
Пора отдохнуть от охоты,
Дать покой собаке и лыжам,
Добро сделанному ружью,
Верным в труде товарищам,
Славным помощникам юрты,
Моей восьмигранной юрты

*
**

Разожгу костер широкий,
Яркий, серебро-костер.
Славно мясо я поджарю,
Светлой вскипячу воды!
Настелю кедровых веток,
Мягко-шумных, синих, свежих.
Ночь несет мне тишину,
Вспомню жаркую жену,

В сумрак провалюсь глубокий,
Сладко, крепко буду спать.

КАРА-ТАЗ

Кара-Таз вернулся в избушку,
Кара-Таз подстрелил косулю.
Кара-Таз не истратит пули,
Лишней пули на зверя.
Над тайгой голоса завывали,
Чешет косы старая вьюга
Частым гребнем сосны и кедра.
Белый пламень в черной избушке —
Кара-Таз отдохнет от охоты.

*
**

После смерти прах мой схороните
На горе с серебряной вершиной,
Где к потоку много троп звериных,
Как ручьи, к большой реке сбегают.
Пусть хоть заяц на моей могиле
Перекусит тонкую былинку.

**

За орехи много благодарен,
Черный лес!

И за ягоды тебе спасибо,
Мглистый лес!

За избушку много благодарен,
Гулкий лес!

За зверей и птиц тебе спасибо,
Древний лес!

Лес, хороший друг, прощай,
Еду семью повидать.

1925—1927

Я проснулся и увидел:
Надо мною темный кедр.
Красным золотом зари
Пересыпан острый бисер
На его пушистой шапке.

УТРЕННИЙ ПРИВЕТ

С ясными глазами день
На сына-юношу похож,
Здравствуй, день веселый.
Здравствуй, все живое!
Мысли — нарядные птицы.
Спал на кошме спокойно.
Тело — облако в небе,
Легкое облако в синем,

Ум твой — солнце, пусть взойдет
На пути, дороге дальней.
Беркуты — твои глаза,
Пусть они расправят крылья.

ТРОПЕ

Много раз я проезжал
По тебе, тропа лесная,
Пояс пастбищ и хребтов, —
Дай спокойный перевал.
Будь ко мне, тропа, хорошей,
Коней сбереги, тропа.

На Алтае травы так высоки,
И хребты зубчатые высоки.
Реки чисты, словно день весенний,
На Алтае — резвые олени.

СОЛНЦЕ

Солнце, солнце, свет высокий,
Хорошо под синей юртой!
Так просторно мне в долине,
Хорошо под синей юртой!
Горы, конь мой, лес мой, солнце,
Хорошо под синей юртой.

ЗЕМЛЯНИКА

Две ягоды красных
Спелой, крупной земляники
Глаз порадовали мой.
Стой, Буланка! Рву кровинки.
Лист сорвал я вместе с ними,
Жадно, жадно их понюхал.
Пахнет лист здоровым телом,
Ягоды — лучистым солнцем.

ЛИВЕНЬ

Солнца жаркие уста
Выпили росу на травах.
Над горами поднялись

Облака — густые кедры.
Тихо. Знойно. Острый блеск
Брызнул, опоясал сумрак.
Треск и грохот по горам,
Розовый, жемчужный ливень
Землю свежестью наполнил.
И долина на меня
Детскими глядит глазами.
Ветер. Облака бегут.
Солнце. Крик в траве зеленой.
И опять роса блестит,
По ветвям разлилось пенье.
Я подумал и сказал:
— На земле и в синем небе
Нет ни смерти, ни рожденья.

На родном, на дорогом Алтае
Сеть ключей искрится золотая.
Солнце-мать гуляет в небе синем.
Ветер и сорока на осине...

*
**

Наклонился я к ручью,
В чистый воздух ветерковый,
Утолить прохладой резвой
Сушь и зной моей гортани.
И себя в ручье увидел.
Нет румянца на лице...
На лице — песок ручья.
Темноалых два крыла,
Вы когда с лица спорхнули
И куда ж вы улетели?!

ЧЕРЕП

Еду с песней по долине.
Белый череп скалит зубы;
В черепе пророс цветок,
В черную прошел глазницу,
Алым пламенем поднялся
На зеленом тонком стебле.

1920

Хорошо, вот хорошо!
Я похож на облака.
Эй-ой, эй-ой,
Я похож на облака.

Хорошо, вот хорошо!
Я совсем похож на горы.
Эй-ой, эй-ой,
Я совсем похож на горы.

Хорошо, вот хорошо!
Я совсем похож на солнце.
Эй-ой, эй-ой,
Я совсем похож на солнце.

Хорошо, вот хорошо!
Посмотрю, на всех похож я.
Эй-ой, эй-ой,
Посмотрю, на все похож я.

Здесь медведи не топтали
Трав и дымную малину,

Не помят и не исхожен
Этот мыс дремучей лапой.
Травы! Кисть в моей руке,
Кисть малины в пять клубочков.
Два из них белы и туги.
Три пахучи, будто ветер
С гор в долине в летний вечер.

ТРАВА

Ты расти, лучистая трава,
С искрами летучими трава!
Ты язык мой, кровь моя и кости,
Гибкая и тонкая трава.

КЕДРЫ

Кедры наши — сумрак ущелья!
Кедры наши — мех соболиный!
Сладок орех с белым зерном!
Сладок орех белке и людям!
Летний вечер, — ты черный медведь.
Тонкая луна — коготь орла.
С дальней вершины ветер пришел,

Тихий и легкий, как сон детей.
Будь я сейчас в рыжей степи —
В солончаковой, с мелкой травой, —
Запах кедровый, крепкий, свежий,
Ноздри мои почуяли б скоро.

*
**

Месяц, месяц на сосне!
Золотой повис на темной.
Весело смотреть глазам!
Так и снял бы для девицы
Чернокосой — на сережку.

*
**

Солнце — жаркий мой костер.
Ночь тиха, черна, как соболь,
Шкурою своей мохнатой
Валится на мой костер.
Светлолицый, легкий пламень
Обогрел, сварил мне пищу —
Вспомнилась родная мать.

ЛИСТВЕННИЦА

Крепкая твоя кора
Кроет юрту хорошо!
Тело смуглое твое
Согревает меня,
Жирно, весело горит
На огне золотом.

1927

СВАДЕБНАЯ

(Перевод с ойротского)

Что прекрасно у ястреба?
Пух под его крыльями.
Что хорошо в народе и людях?
Хорошо, когда строится новый аил.
В выстроенном осенью аиле твоём
Пусть бурый шелк расстилается.
У народа, что вырастил тебе невесту,
Пусть ежедневно ум прибавляется,
В выстроенном летом аиле твоём
Пусть голубой шелк расстилается.
У невесты, что выбрал ты, любя,
Пусть красота сохраняется.

В капкан, поставленный тобой на соболя,
Пусть с золотистой шерстью соболь
попадет.

Твоя любимая, молодая жена —
Из всех женщин народа
Пусть будет красивее всех.

В капкан, поставленный тобой на
горностая,
Самый лучший горностай пусть попадет.
С радостью и желанием выбери себе
жену.

Пусть любит она тебя горячо и преданно.

ВСТРЕЧА

(Перевод с ойротского)

Когда проезжал
Белую долину,
Повод белого коня
Крепко держал я.
Когда я увидел
Близкого друга,
Быстро руку его
Пожать захотелось.
Когда проезжал я

Синюю долину,
Серый конь мой
Играл иноходью.
Когда я увидел
Близкого друга,
От радости сердце
Сильно забилося.
У ослепительно чистого
Коня — снежной масти —
Волнистая грива
Блестит и светится.
У встретившихся друзей
Радостные глаза —
Полные сияния.
У серооблачного коня
Шерсть серебряная.
У долго невидавшихся
Верных друзей
В разговоре радостном
Слова золотые.

*
**

Пью чегень или к другу еду —
Широки мои глаза.
Каждую минуту нов
Этот мир веселый, шумный.

Завтра, так же, как сейчас,
Человека, землю, небо
Я увижу в первый раз
И опять их не узнаю.

ЕДУ В ГОСТИ

Я, Василий, выпил водки чашку,
Я надел из пламени рубашку.
Где мой конь, моя витая плетка?
Еду в гости — угостят ли водкой?

СУГДААЛЬСКИЕ ДЕВИЦЫ

Девиц посмотреть хочу,
Девиц Сугдаальских гор!
Чем поймаю кобылиц?
Как вступлю я в разговор?
Сапоги хорошие надену,
А рубашки новой — нет.
Я скажу: зовут меня Тукай,
Мне семнадцать лет.

*
**

Сладостны твои глаза
С влажной, огненной мглою.
Посмотрю, — и пламень в жилах.
Ой, глаза! Похожи вы
На глаза косули горной,
Стройной, пестрой, быстроногой.
И сама ты быстронога
И похожа на косулю,
Весела, легка, игрива.
Утро видишь ли свое?

1929

*
**

Девыцы Алтая,
С чем сравнить вас —
На коне скачущих?
Я сравню вас, девыцы,
С песней, с искоркой в глазу,
С птицей на зеленой ветке.

АРГУТСКИЙ ВЕТЕР

Глаз моих искали все джигиты...
Взгляд один — они покорны были
И склонялись, как рога оленя
На бегу под выстрелом смертельным.
Много раз джигиты говорили,
Что глаза мои — осенний ветер,
Резкий ветер, северный, с Аргута.
А теперь — глаза кострами стали,
Пламя их один не замечает,
Сердце бы ему за это вырвать!
И никак он их не называет,
Ни аргутским ветром, ни кострами.

Вышла утром.
Крепкий мороз,
Светлым огнем
Горит лиственница,
И я горю золотым
Пламенем любви.
Наверно, сгорю.

*
**

Посмотрю я на милый свет —
Как цветок, распускается мысль.
Посмотрю на родное дитя —
Веселится сердце мое.
Посмотрю на мужа —
Думы о ласковой ночи.

*
**

В черной ступке обтолкла
Колкий, жареный ячмень,
В жерновах смолола мягко
Вкусный, сытный мой толкан!
Закипай скорее, чайник!
Чайник, масла принесла!

Чистое масло,
Свежее масло,
Как тело девушки,
Молодой девушки.
Соль готова у меня,
Серебряно-синяя,
Как снег, мерцающий
Под тонким месяцем.

Много в городе муки,
Славная моя хозяйка.
Много белой на базаре,
Славная моя хозяйка.
Брось ты жернов,
Глухой, скрипучий.
В город я поеду скоро,
Привезу тебе муки.

Целый мешок
Белой муки,
Белой, как пена
Горной реки.

Жду родных моих с Уймона —
Хлеб и сыр кладу на полки.
Широко открыла двери —
Пусть родные входят в юрту.

1926—1928

Износилась, посмотрю, рубашка,
Старую рубашку надо бросить,
Новую купить рубашку надо.
Славно новую надеть рубашку!
Старая юрта покосилась,
Юрту новую строить надо...
Жизнь отцов совсем изломалась —
Жизнь хорошую будем строить!

1929

*
**

Сын уехал в Улалу,
В школу милый сын уехал.
Скоро ли приедет?

Город как живет — не знаю,
Сын мой как живет — не знаю.
Что расскажут горы?

Приходи, спеши, весна,
Приходи, веселая!
Сына приведи скорей!

1929

*
**

На Алтае шумит много рек,
Много рек на Алтае течет,
А в Москве большой человек,
Сильный там человек живет.
С ясной, мудрой он головой,
Его знает горный мой край.
Слышал я, он тамыр с беднотой
И его ненавидит бай.
Слышал я — его Ленин звать,
Он простой, он без золота друг!
Ах, как хочет его повидать
С гор Алтая бедный пастух!

1923

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ой-е-ай.

Птицы спят.

Золотой стемнел закат.

Вечер тих.

Ой-е-ай.

В сумрак спрятался Алтай.

Ой-е-ай.

Спят цветы.

Спят над речкою кусты.

Спи, росток,

Ой-е-ай.

Зло на нас не крикнет бай.

*
**

Возле лиственниц много народа.

Там не воет ли бубен шамана?

Что-то пестрое глаз мой заметил.

То не пегий ли конь для жертвы?

Нет, то красная юрта в плакатах,

В широких, расписанных ярко.

Что там кучкой собрался народ?

Избач там читает газету.

*
**

Улыбается весна
Счастливо, тихо,
Покоряя сердце мое
Легкой голубизной,
Вьющейся в молодом
Пестром березнике.
Ясно-пушистые лучи
Растопили зернистый снег.
Шумно-разговорчивые —
Резвый огонь — ручьи
Стремительно сыпятся с гор.

**
*

У детей ойрота веселые лица,
Дети учатся грамоте в школе.
Черные заклинанья шамана
Не набросят черных арканов
На чистые мысли счастливых детей.

ДОМ ДЕТЕЙ

Новый дом, прямой и высокий,
С чистыми, лунными стеклами,
Рядом серая, темная юрта...
Новый дом, высокий и крепкий,
Словно девица перед старухой.
Внутри он широкий и громкий,
Со светлым, серебряным воздухом.
Много в высоком кроватей,
Снежных пятен — подушек,
Мягких, что шкурка горносталя.
В доме большом и веселом —
Как в пестрой долине Алтая.

*
**

Долины и горы
Надели зеленое платье;
Спавшие в мраке цветы
Открыли глаза, как дети.
Мглистые ветерки
Мягко порхают
В крохотных листьях.

Если бросить еучок на сгоревший костер,
Только искрою вспыхнет он в гулкий
простор.

Если дров принесу, то костер мой богат,
И заплещется пламя, как яркий закат.

Если жить одному у врага в плену,
Я похож тогда буду на искру одну.

Добрый скот есть у нас, а покосная
ширь
И посеvy колхоза — где был монастырь.

Морозной зимой быстрые реки
Скованы льдом, как синим железом.
Пестрым летом их чистые воды —
Словно нити светлого шелка.
В серый день солнца не видно,
В день безоблачный солнце светит,

Если жить хорошо — как скажешь,
Что живется Санзару худо!

*
**

Марта сухой мороз
С шумно-туманной мятежью
Не одолеют смеющейся,
Голосистой весны.
Мысли моих сверстников,
Друзей, товарищей-комсомольцев,
Ленина, Сталина мысли —
Яркая весна на земле.

1930

ПЕСНЯ ТУУТАНА

Слезы счастья бегут по сединам твоим,
По морщинам лица, Туутан.

Не стыдись этих слез, много видевший
бед

И обид и пинков, Туутан!

Отчего, расскажи, слезы счастья бегут,
В чем же радость твоя, Туутан?

Молодым был когда-то и силу имел,
Смелость, удасть имел Туутан.
Добывал ты у баев за честный твой труд
Хлеба скудный кусок, Туутан.
Если не был ты нужен — то гнали тебя,
Как собаку с двора, Туутан.
Вот какую награду, отличие, за труд
Ты от баев имел, Туутан.
А теперь... О, друзья! Всем есть право
на труд
И на отдых у нас, Туутан.
Под великой защитой старость у нас!
Молодым, юным стал Туутан.
Мой Алтай голубой будет вечно стоять
И снегами сверкать, Туутан.
Наш закон — это горы, что всюду видны
С белизною снегов, Туутан.
Солнце вечно светило и будет светить,
Нам дающее жизнь, Туутан.
Наш закон — это солнце, что светит для
всех
На прекрасной земле, Туутан.

1936

*
**

Утро гремит
В золотые, победные трубы.
Свежая, чистая синь
Над серебряной грудью горы.
Колыхание ветра
Свивает тонкий запах
Мягкой лиственницы.
Алмазные волоски лучей
Пьют синюю россыпь.
Золотистыми искрами песни
Пронизана зелень
Берез голубых.
Яркая земля,
Широкая жизнь,
Вы — милые сестры.
Смотрю на вас —
И бегают во мне кровь,
Словно сок по ветвям.

*
**

Если спросит проезжий меня:
— На Алтае какая гора
Выше всех и прекрасней всех? —

Я охотно отвечу ему:

— Друг, с горою высокой той
Дня встречается лик золотой.

Та гора — голубой июнь,

В той горе родилась Катунь.—

Если спросит проезжий меня:

— Кто, скажи мне, в Советской стране
Самый лучший из лучших людей?—

Я с восторгом отвечу ему:

— Тот, кто создал колхозный строй

И заводов железный строй,

Тот, кто в мудрой заботе вознес

Человека и радость до звезд.

1922 — 1936

ПРИМЕЧАНИЯ

К у р у т — сухой сыр.

Т о л к а н — мука из поджаренного ячменя.

С а р а н а, к а н д ы к — травы из семейства лилейных, имеют съедобные корни, напоминающие вкусом картофель.

Т о й — свадьба.

А и л — небольшое селение, юрта.

Т а м ы р — друг, товарищ.

Ч е г е д е к — верхнее платье замужней женщины.

Ч е г е н ь — квашеное молоко.

А р а к а — хмельной напиток из коровьего молока.

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо Р. Роллана	5
-----------------------------	---

ПРОШЛОЕ

Я боюсь, что купец	7
Девиц несчастных	7
Я любила родную мать	8
Быстроногий, черный	8
Я пасу у Менко	9
Горькая жизнь	9
Сказание о хане Алтыне	10

ЭЛИК И КАРАКОСЬ (ПОЭМА)

Рассказ матери	19
Встреча	24
Сватовство	30
Песни Каракось	35
Слово тетки Тоньчи	38
Свадьба	42

ОХОТА

Ходит осень... Ай алтын	48
Новое ружье	48
Горы, выменял собаку	49
Сталь, кремень, зеленый трут	49
Богаты мои глаза	50
Синий ветер — лыжи мои	50
Соболя ловить иду	51
Буран	51
Над горами выросла ночь	52
Разожгу костер широкий	52
Кара-Таз	53
После смерти прах мой схороните	53
За орехи много благодарен	54

РАДОСТЬ

Я проснулся и увидел	55
Утренний привет	55
Ум твой—солнце	56
К тропе	56
На Алтае травы так высоки	56
Солнце	57
Земляника	57
Ливень	57
На родном, на дорогом Алтае	58
Наклонился я к ручью	59
Череп	59
Хорошо, вот хорошо	60
Здесь медведи не топтали	60
Трава	61
Кедры	61
Месяц, месяц на сосне	62
Солнце — жаркий мой костер	62
Лиственница	63
Свадебная (перевод с ойротского)	63
Встреча (перевод с ойротского)	64
Пью чегень или к другу еду	65
Еду в гости	66

Сугдаальские девицы	66
Сладостны твои глаза	67
Девицы Алтая	67
Аргутский ветер	68
Вышла утром	68
Посмотрю я на милый свет	69
В черной ступке обтолкла	69
Много в городе муки	70
Жду родных моих с Уймона	70

ВЕСНА

Износилась, посмотрю, рубашка	71
Сын уехал в Улалу	71
На Алтае шумит много рек	72
Колыбельная	73
Возле лиственниц много народа	73
Улыбается весна	74
У детей ойрота веселые лица	74
Дом детей	75
Долины и горы	75
Если бросить сучок	76
Добрый скот есть у нас	76
Морозной зимой быстрые реки	76
Марта сухой мороз	77
Песня Туутана	77
Утро гремит	79
Если спросит проезжий меня	79
Примечания	81